

*Ночь тиха, ночь свята,
Озарилась высота,
Светлый Ангел летит с небес,
Пастухам он приносит весть:
«Вам родился Христос, вам родился Христос!»*

Рождественский христианский гимн, создан в 1818 году. Текст Йозефа Мора, музыка Франца Груббера. Автор перевода на русский язык неизвестен.

♦ 5 ♦ Глава

Первым приехал отец Саймон Мак-Ги. Я сидел наверху, в своей комнате, и слышал, как во двор вкатился его опель. Мы с дедом к этому времени расчистили дорогу, но снег все падал и падал. Дед вышел встретить отца Саймона, и я тоже сбежал по лестнице навстречу ему. Священник стоял в прихожей и стряхивал снег с ботинок и с плаща: намело, пока он шел от навеса, где парковался.

Из всех, кого я знаю, отец Мак-Ги — самый классический шотландский горец. Здоровенный старикан с круглой красной рябой рожей — в жизни не догадаетесь, что перед вами католический падре. Его жесткие волосы, темные, густо перемешанные с сединой, никогда не лежат на голове смиренно, а он еще и ерошит их постоянно раскрытой ладонью. Пока отец Мак-Ги расспрашивал меня о том о сем: об учебе, о футбольных успехах, — приехали дедовы бывшие однокашники Эрскин и Кавендиш с женами.

Эрскин был странный человечек, небольшого роста, сгорбленный, с очень четкими и правильными, утонченными чертами лица, которое к семидесяти годам состарилось как-то без морщин. У него были крупные уши с длинными мочками и большие, навывкате светло-серые, какие-то женские глаза. В детстве я был уверен, что на самом деле мистер Эндрю Эрскин вовсе не Эрскин, а карлик Снорре*, и, если честно, в глубине души продолжаю так считать.

И в этот раз, пожимая его руку, я снова испытал желание наконец спросить что-нибудь вроде «Как дела? Во сколько сегодня закроют холм?»**.

Миссис Эрскин, Софи, была выше мужа ростом, худая, ширококостная, темные глаза немного навывкате, на голове копна седеющих каштановых волос. Королева-колдунья. Точно карлик Снорре встретился с Морган Фей и женился на ней. Они были очень преданы друг другу, не разлучались почти никогда. В прошлом году миссис Эрскин болела и долго лежала в больнице. Мой отец ходил навестить ее и потом рассказывал, что все полтора часа, что он провел у нее, она говорила только о том, как талантлив Энди и как он не бережет свое здоровье.

Из-за этой болезни мы не виделись с миссис Эрскин на прошлый Йоль***. Теперь, когда она вошла и сняла свое длинное пальто, я отметил, насколько она постарела. Красота ее, впрочем, от этого только выиграла. Когда-то я пытался рисовать миссис Эрскин — на бумаге у меня получался совершеннейший сайгак, и это не только потому, что я, в принципе, рисую не супер хорошо.

Сегодня на ней было темно-синее узкое, очень строгое платье и светлая вязаная шаль, которой она укутывала острые плечи. Тяжелая коса, уложенная венцом на голове, делала ее

* Карлик Снорре — персонаж шотландской легенды.

** Согласно легендам, некоторые фейри и ши — волшебные существа Британских островов — живут в холмах. Иногда холм бывает открыт, и тогда простые смертные тоже могут в него попасть, обычно на свою беду.

*** Йоль — название Рождества в Шотландии и некоторых других странах.

еще больше похожей на сводную сестру Артура*. Полутьма, сумеречная полоса стрельчатого окна, изысканная, почти шахматная фигура гости — все это немедленно заработало в моей голове, и счет пошел независимо от моих «Добрый вечер, миссис Эрскин, как поживаете?».

— Королева ждет вас, милорд. Королева готова вас принять.

Свет факела внезапно дернулся — в замке было полно сквозняков, собственная тень бросилась Рыцарю под ноги как живая. Кто укажет мне дорогу к замку Корбеник? Королева знает, как ее отыскать?

— Ваджи! Это ты? Как же ты вырос! Занимаешься греблей?

Мистер и миссис Кавендиш, супруги Хампти-Дампти**, как звал их Дуг, оба круглые и веселые. Она — в платье в крупную полоску, он — в охотничьем пиджаке с заплатами на локтях и в вельветовых брюках. Апоплексический его румянец распространялся в том числе и на идеальную лысину. В студенческой компании деда Кавендиш, как я понимаю, был главный балагур и счастливо продолжал играть эту роль и дальше. Миссис Кавендиш, Бренда, регулярно приезжала на озеро Лох-Фада с подругами по команде: старушки — чемпионки Великобритании по гребле на каноэ. Каждый раз, завидев меня, Бренда обязательно говорила, сияя, как новенький пенни:

— Ваджи! Это ты? Как же ты вырос! Тебя и не узнать! Занимаешься греблей? Когда ты приедешь ко мне в гости со своим дедом? Пока я не продала коллекцию наших кубков и медалей — мечтаю, чтобы ты их увидел.

Но дальше дело не двигалось — к обоюдному удовольствию сторон, как уверял дед.

Миссис Кавендиш некогда была очень дружна с миссис Мак-Грегор, моей бабушкой, поэтому далее в вариациях следо-

* Морган Фей — сводная сестра короля Артура.

** Humpty Dumpty — персонаж английской детской поэзии, в русском переводе С. Маршак — Шалтай-Болтай.

вало неизменное сожаление о том, что бедная Шарлотта не видит, как вырос ее дорогой внук. Мы обнялись.

В этом платье в крупную полоску она внезапно напомнила мне полосатый антикварный диван в гостиной у Осборнов. Крепко прижатый к объемистым валикам ее груди, я слышал, как бьется ее большое сердце, точно пружина поет в гулкой глубине.

Как всегда, я поцеловал розовую щеку, клюнул носом нефритовую сережку и смутился — тоже как всегда. Ритуал покати́лся по своему желобу, я слушал слова приветствия и сам говорил что-то дежурно-вежливое.

Возможно, миссис Осборн, Джоан, мама права и пора уже что-то менять в жизни? А может, и не пора.

Постепенно собралось человек пятнадцать, считая местных, дедову домоправительницу Эви и повара. Двое лесников, приятели Алистера, католики, один с женой, другой с сестрой и мамой. Они всегда приходили на Рождество.

Вся эта компания толкалась в гостиной, Оскар радостно бежал, обнюхивал их ноги, бил всех хвостом, потом вдруг устал, забрался в кресло, свернулся там и уснул.

Последними пришли американцы — постояльцы из западного крыла. Я едва успел взглянуть на них — ему лет сорок, очки, галстук, улыбка, под бокс; ей лет сорок — очки, галстук, улыбка, каре, — как подошел отец Мак-Ги.

— Ты поможешь мне все подготовить, Ваджи, мой мальчик?

Я кивнул.

— Это ведь не страшно, что мы не католики, вообще не верующие? — спросил американец, вдруг обратившись к отцу Мак-Ги. — Вы же позвольте нам присутствовать? Ведь это вы священник, я верно понял? Я Джон Кокрейн, а это моя супруга — Мейзи. Мы бы очень хотели. Это было бы так интересно.

— Да, разумеется! — заулыбался священник.

В часовне Святого Колумбы было холодно, как в гробу. Я вошел первым, и сырая темнота точно схватила меня за руки, за

лицо. Мне не хотелось сразу зажигать свет — три узких окошка чуть светлели сквозь свинцовый мрак апсиды, и все это вместе вообще не напоминало ничего на этой земле: маленькое холодное пространство, наполненное гулкой тишиной. Даже ноги не ощущают пола, точно ты повис в каком-то космосе.

Отец Мак-Ги вошел за мною, щелкнул выключателем. Апсиду сразу залило желтым светом, стало видно ее давно не беленные стены, старинный, еще конца девятнадцатого века, вертеп по левую руку, пустой каменный алтарь, еловые лапы и красные ленты, которыми Эви накануне украсила часовню.

Я вспомнил, что надо попросить благословения, склонил голову, священник быстро перекрестил мою макушку. Мы растелили алтарный покров, расставили подсвечники, я принес складной аналой. Где-то минуту мы с этой упрямой раскладушкой дрались, но я победил и водрузил ее на середину солеи.

— А они тут все поместятся? — спросил я у отца Мак-Ги.

Он пожал плечами.

— Всегда же помещались.

— Сегодня больше народу, чем обычно. Эви с мужем и дочкой. Она сказала — они поют. И американцы.

— Поместятся, — уверенно ответил отец Мак-Ги. — Куда им деваться. А американцы не поют?

— Не знаю. Наверное, нет.

— Жаль.

Отец Мак-Ги расстегнул портфель, вынул Библию, слегка помятую альбу, столу, бутылку вина. Я отнес Библию на аналой — закладки были все уже на месте, — проверил тексты еще раз. Пошел и затеплил лампадку у вертепа, зажег свечи в канделябрах.

— Позови хор, — сказал Мак-Ги. — Пусть готовятся, а то налажают, как в прошлый раз. Почему Алистер до сих пор не открыл органолу?

Собрался хор — пять человек во главе с миссис Кавендиш, которая всегда с воодушевлением регентовала. Пока отец Саймон проверял, все ли на месте, пока я помогал ему облачаться,

они репетировали, пели громким сдавленным полупшепотом Gloria, Gloria in exelsis Deo, а потом Puer natus in Betlehem, Aleluiah!*

Тихо, точно боялись ненароком разбудить этого мальчика.

Внезапно приоткрылась дверь, и в нее заглянул Дуг. Мы встретились с ним глазами.

— Пойди поздоровайся с Мартой, — громко прошептал он.

— Потом, — отмахнулся я. — Когда вы приехали?

— Вот только что. Она хочет тебя видеть.

— Иди, иди, — сказал отец Саймон. — У нас еще есть немного времени. Дуглас, вы не могли бы сказать всем — если кто нуждается в исповеди, я готов их принять.

— Я нуждаюсь, — быстро проговорил отец.

— Ну, вот с вас и начнем. Миссис Кавендиш, Бренда, скажите, а почему вы не открыли органолу?

— Алистер не может найти ключ.

Когда я увидел Марту первый раз, я немного удивился. Она не была похожа ни на одну из прежних отцовых подружек, просто совсем другая. Не красавица, без боевой раскраски. Круглое лицо, светло-серые глаза — она скорее напоминала немку, чем итальянку. Но когда я узнал ее лучше, я понял, что отец нашел в ней и почему влюбился. Она была очень умная, очень доброжелательная и настоящая, открытая. Она любила дом, готовку, льняные скатерти, пирожки с сыром. У нее были смешные ямочки на щеках. Рядом с ней было хорошо, она никогда ничего не держала от вас за спиной. Мы расцеловались.

— Я испекла хлеб для Йоля, с предсказаниями. У вас ведь так делают, да? Мне Дуглас сказал. Но не знаю, хватит ли на всех. Восемь таких... плетеных бубликов.

* «Слава в Вышних Богу» и «Мальчик родился в Вифлееме, аллилуйя» — рождественские песнопения (лат.).